

ТУЛЬСКАЯ ВСТРЕЧА

Московский Художественный театр, основателем которого был К. С. Станиславский, не однажды ставил пьесы Л. Н. Толстого. Следил за деятельностью театра и Лев Николаевич.

Личное знакомство Станиславского и Толстого состоялось 31 октября 1893 года в Туле, в доме судебного деятеля и большого знатока театрального искусства Николая Васильевича Давыдова (в настоящее время улица Гоголевская, дом № 47). Однако обращение Станиславского к великому русскому писателю относится еще к 1891 году, в связи с постановкой в Москве комедии Толстого «Плоды просвещения».

Станиславский, тогда член любительского «Общества искусства и литературы», стал одним из первых исполнителей комедии Толстого, сыграв роль Звездичева. Эта постановка была и его первой режиссерской работой.

В январе 1891 года Константин Сергеевич особым письмом приглашал Толстого на постановку пьесы. 8 февраля спектакль состоялся на сцене немецкого клуба в Москве и ввиду большого успеха был повторен затем несколько раз Толстой на спектаклях присутствовать не смог.

Станиславский стремился показать на сцене подлинную русскую жизнь, взяв в ее противоречиях, именно такой, какой ее воспринял великий писатель-реалист. Оценивая эту постановку, он писал: «Достоинство моей тогдашней работы заключалось в том, что я старался быть искренним и искал правды, а ложь, особенно театральную, ремесленную — изгонял. Я стал ненавидеть в театре — театр и искал в нем живой, подлинной жизни — не обыденной, конечно, а художественной».

Посмотрев 27 января 1900 года в постановке Московского Художественного театра «Дядю Ваню» (Станиславский играл Астрова), Толстой под свежим впечатлением от спектакля принял решение после долгого перерыва за работу над своим давним замыслом — пьесой «Живой труп». Одинадцать лет спустя, через год после смерти Толстого, пьеса была поставлена на сцене театра, возглавляемого Станиславским, и прошла с большим успехом.

Свое знакомство с Л. Н. Толстым и более поздние встречи с ним Станиславский подробно описал в книге «Моя жизнь в искусстве».

«Приблизительно в это время (1893 год), — вспоминает Константин Сергеевич, — наш любительский кружок общества искусства и литературы играл несколько спектаклей в Туле. Репетиции и другие приготовления к нашим гастролям происходили там же, в гостеприимном доме Николая Васильевича Давыдова — близкого

друга Льва Николаевича Толстого. Временно вся жизнь его дома приспособилась к театральным требованиям. В промежутках между репетициями происходили шумные обеды, во время которых одна веселая шутка сменялась другой. Сам, уже немолодой, хозяин превратился в школьника.

Однажды, в разгар веселья, в передней показалась фигура человека в крестьянском тулупе. Вскоре в столовую вошел старик с длинной бородой, в валенках и серой блузе, подпоясанный ремнем. Его встретили общим радостным восклицанием. В первую минуту я не понял, что это был Лев Николаевич Толстой. Ни одна фотография, ни даже писанные с него портреты не могут передать того впечатления, которое получилось от его живого лица и фигуры.

Разве можно передать на бумаге или на холсте глаза Льва Николаевича Толстого, которые пронизывали душу и точно зондировали ее! Это были глаза то острые, колющие, то мягкие, солнечные. Когда Толстой приглядывался к человеку, он становился неподвижным, сосредоточенным, пылливо проникнул внутрь его и точно высасывал все, что было в нем скрытого — хорошего или плохого. В эти минуты глаза его прятались за нависшие брови, как солнце за тучу. В другие минуты Толстой поддетски откидывался на шутку, заливался милым смехом и глаза его становились веселыми и шутливыми, выходили из густых бровей и светили. Но вот кто-то высказал интересную мысль, — и Лев Николаевич первый приходил в восторг; он становился по-молодому экспансивным, юношески подвижным, и в его глазах блеснули искры гениального художника.

В описываемый вечер моего первого знакомства с Толстым он был нежный, мягкий, спокойный, старчески приветливый и добрый. При его появлении дети вскопили со своих мест и окружили его тесным кольцом. Он знал всех по имени, по прозвищам, задавал каждому какие-то непонятные нам вопросы, касающиеся их интимной домашней жизни.

Нас, приезжих гостей, подвели к нему по очереди, и он каждого подержал за руку и позондировал глазами. Я чувствовал себя простреленным от этого взгляда. Неожиданная встреча и знакомство с Толстым привело меня в состояние какого-то оцепенения. Я плохо сознавал, что происходило во мне и вокруг меня. Чтобы понять мое состояние, нужно представить себе, какое значение имел для нас Лев Николаевич.

Его посадили за обеденный стол против меня. Должно быть, я был очень странен в этот момент, так как Лев Николаевич часто по-

ТОЛСТОЙ-ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР

ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ 155 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

В творческую лабораторию гениального создателя «Войны и мира» помогает проникнуть постоянная экспозиция «Л. Н. Толстой и Бородинское сражение». Она открылась 3 сентября в Подмосковье, в бывшей гостинице Спасо-Бородинского монастыря, где останавливался писатель.

Редкие материалы из фондов Государственного Бородинского военно-исторического музея — заповедника, других собраний дают возможность воссоздать процесс работы над эпопеей. К осени 1867 года Лев Николаевич изучил все исторические материалы, воспоминания современников о Бородинском сражении. Но ему хотелось своими глазами увидеть место битвы, подышать воздухом Бородина.

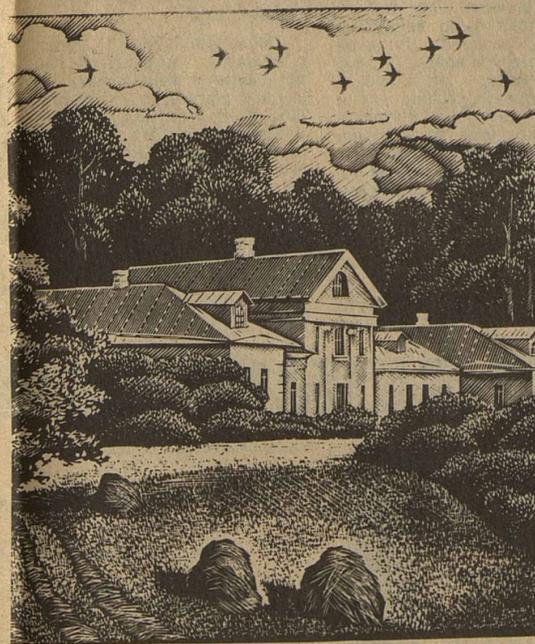
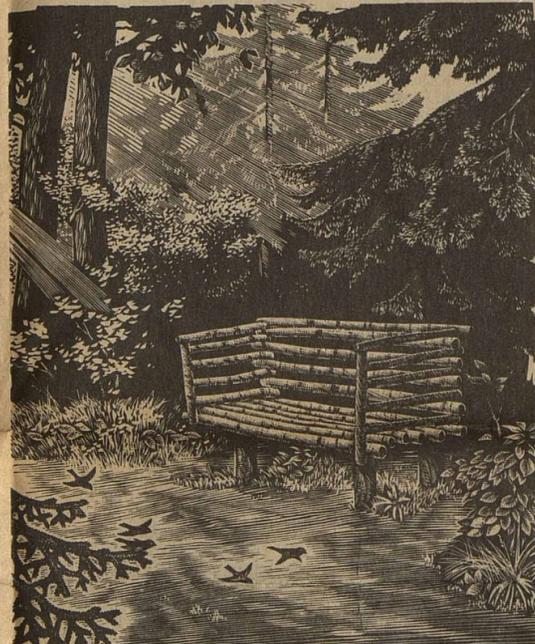
25 сентября 1867 года Толстой выехал из Москвы в Бородино. По пути следования он переписал все почтовые станции, отметив расстояние между ними. Большинство названий впоследствии было включено в текст романа при описании поездки Пьера Безухова на Бородинское поле. Сейчас эту страничку из записной книжки писателя можно увидеть в экспозиции.

День 26 сентября Лев Николаевич посвятил изучению поля сражения: делал заметки, рисовал план расположения русских и французских войск, командных пунктов Кутузова и Наполеона. В дневниках писатель разыскивал очевидцев сражения, подолгу беседовал с ними.

Толстой подробно изучил все этапы Бородинской битвы, составил схематический рисунок местности. Он помнил для себя, что «даль видна на 25 верст», что на восходе солнца от лесов, строев и курганов ложатся черные тени и что «солнце встает влево, позади» — то есть позади русских войск, а «французам в глаза солнце». Все эти детали вошли в роман.

Переночевав в монастырской гостинице, Лев Николаевич встал на заре, еще раз обехал поле. Ему важно было увидеть его в ранний час, так как Бородинское сражение началось в начале шестого утра. В тот же день Толстой выехал в Москву. В письме к жене об итогах поездки, которое представлено в экспозиции, он сообщил: «Сейчас приехал из Бородина. Я очень доволен, очень, — своей поездкой... Я напишу такое Бородинское сражение, какого еще не было...»

И писатель дал непревзойденное художественно-историческое описание битвы. О его редком трудолюбии и высочайшей требовательности свидетельствуют представленные на выставке рукописные варианты глав о Бородинском сражении. Экспонируются также первое издание романа «Война и мир», книги об отечественной войне 1812 года с пометками Толстого.

ЯСНОПОЛЯНСКИЕ МОТИВЫ

Рисунки Н. КАРАСЕВА.

А. СИВЦОВ.

сматривал на меня с любопытством. Вдруг он наклонился ко мне и о чем-то спросил. Но я не мог сосредоточиться, чтобы понять его. Кругом смеялись, и я еще больше конфузился.

Оказалось, что Толстой хотел знать, какую пьесу мы играем в Туле, а я не мог вспомнить ее названия. Мне помогли.

Лев Николаевич не знал пьесы Островского «Последняя жертва» и просто, публично, не стесняясь, признался в этом; он может открыто сознаваться в том, что мы должны скрывать, чтобы не прослыть невеждами.

Толстой имеет право знать бы то, что обязан знать каждый простой смертный...

Потом мы заговорили о театре, желая похвастаться перед Львом Николаевичем тем, что мы первые в Москве играли его «Плоды просвещения».

— Доставьте радость старику, освободите от запрета «Власть тьмы» и сыграйте! — сказал он нам.

— И вы позволите нам ее играть? — воскликнули мы хором.

— Я никому не запрещаю играть мои пьесы, — ответил он.

Мы тут же стали распределять роли между членами нашей молодой любительской труппы. Тут же решил вопрос, кто и как будет ставить пьесу: мы уже поспешили пригласить Льва Николаевича приехать к нам на репетиции; кстати, воспользовались его присутствием, чтобы решить, какой из вариантов 4-го акта нам надо играть, как их соединить между собой, чтобы помешать досадной оставшке действия в самый кульминационный момент драмы.

Сам Лев Николаевич, участвуя в этом предвечернем совещании, держал себя так просто и искренно, что скоро нам стало легко с ним. Его глаза, только что прятанные под нависшими бровями, блеснули теперь молодого, как у юноши...

Прошло несколько лет. «Власть тьмы» уже играли во многих театрах России. В разных постановках видел свою пьесу Л. Толстой: кое-чем был доволен, а кое-чем — нет. Однажды Станиславский получил записку от одного из друзей Толстого, который сообщил, что Лев Николаевич хотел бы с ним повидаться. Оказалось, что писатель был неудовлетворен спектаклями и самой пьесой «Власть тьмы».

— Напомните мне, как вы хотели переделать четвертый акт. Я вам напишу, а вы сыграйте, — сказал Лев Николаевич Станиславскому.

В тот вечер они говорили довольно долго. Лев Николаевич интересовался планом постановки своей пьесы, расспрашивал об актерах, с которыми был знаком, о ближайших премьерах театра.

С великим писателем Станиславскому довелось встречаться еще не раз. Об этих встречах взволнованно и тепло он рассказывал в своих воспоминаниях, которые помогают нам глубже уяснить значение Толстого для созданного Станиславским и Немировичем-Данченко Московского Художественного театра, для всего русского и мирового сценического искусства.

И. ГРЫЗЛОВА,
научный сотрудник
музея-усадьбы
Л. Н. Толстого
«Ясная Поляна».

с Оренбургским краем? И спустя некоторое время, получил из Ясной Поляны ответ: да, связана. Во время военной службы Толстой бывал в тех местах...

Татьяна Налескина работает экскурсоводом в Московском бюро экскурсий и путешествий. Часто сопровождает экскурсии по маршруту Москва — Тула — Ясная Поляна. И каждый раз, бывая здесь, посещает библиотеку, старается узнать что-то новое, чтобы потом рассказать об этом экскурсантам. Ее мы встретили в читальном зале библиотеки.

— Мне очень нравится здесь работать, — говорит она. — Конечно, прежде всего большой интерес представляют издания, с которыми можно познакомиться только в Ясной Поляне. В библиотеке есть фонд особо редких книг, который включает в себя первые публикации произведений Толстого, первые отклики на его прозу, критические статьи. Здесь можно узнать много нового. А кроме того, сама атмосфера Ясной Поляны помогает как то по-иному воспринять прочитанное.

О. НЕКЛУДОВА.

РЕДКИЙ ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ

Такой портрет Толстого я недавно увидел в краеведческом музее г. Алексина. Погрудный портрет писателя напоминает его фотографию 1892 года, сделанную в Москве фирмой «Шерер, Набольтц и К°».

Считается, что это работа художника С. Б. Хазина. Портрет был отпечатан в небольшом количестве экземпляров в 1900 году. Александру краеведческому музею он был подарен семьей московских учителей Смирновых, уроженцев Алексина.

Д. ЕРМОЛАЕВ.

Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР художник В. И. Уфимцев в книге воспоминаний «Говоря о себе», изданной в 1973 году, упоминает, что в их доме в Тобольске висели портреты Л. Н. Толстого и А. М. Горького. «Портреты были замечательны тем, что вся борода и волосы Толстого, волосы и рубашка Горького были мелко, мелко исписаны. Говорили, что на одном вписана «Крейцерова соната», а на другом «Мальва». Надо же! Читать можно было только в увеличительное стекло».

НА ЯЗЫКЕ АБАЯ

Побывав в Казахстане, я увидел немало переводных книг Льва Николаевича Толстого, над которыми работали лучшие литературные силы республики. 20 000-м тиражом издан роман «Анна Каренина» в переводе Гали Орманова. На языке

Джамбула и Абая переведены «Севастопольские рассказы», «Хаджи Мурат», «Казань», «Крейцерова соната», «Утро помещика», «Два гусара» и другие рассказы и повести Толстого.

О. БОРТ.

БИБЛИОТЕКА В ДОМЕ ВОЛЖОНСКОГО

Прозрачный воздух, прогретый солнцем, парящие легкие паутинки, высокие деревья, чуть тронутые желтизной, — эти приметы ранней осени придают особое очарование яснополянскому пейзажу. Но не только осенью хороша Ясная Поляна. Мы приходим сюда в разное время года и не перестаем удивляться неповторимой ее красоте.

Однако есть люди, для которых посещение Ясной Поляны — не редкий праздник, а каждодневная, кропотливая работа.

...Войдя в одну из дверей дома Волжонского, вы попадете в небольшое уютное помещение, маленький читальный зал. Здесь всего несколько столов. Зато очень много стеллажей. Это научная библиотека, которая была основана в 1928 году. Здесь вас приветливо встретит заведующая книжными фондами музея Анна Борисовна Век-

слер. Знание иностранных языков позволяет ей вести большую научную работу, переводить статьи о творчестве Л. Н. Толстого зарубежных авторов, вести с ними переписку, отвечать на запросы, беседовать с гостями Ясной Поляны.

А заведует книжными фондами музея Анна Борисовна тридцать второй год. В 1951 году, когда она приняла научную библиотеку, здесь было немногим более трех тысяч книг. Сегодня эта цифра увеличилась более чем в десять раз. Новые книги поступают не только через библиотечный коллектор или по специальным запросам библиотеки. Сюда с разных концов света приходят бандеролы, в которых — книги о жизни и творчестве великого русского писателя, издания на иностранных языках. Советские писатели, побывав здесь, оставляют в дар библиотеке свои произведе-

ния. В ее фондах есть книги, подаренные К. Симоновым, К. Фединным, И. Андрониковым, Е. Евтушенко, Р. Гамзатовым и многими другими прозаиками и поэтами.

К юбилейным дням в научной библиотеке открыта выставка новых книг о жизни и творчестве Л. Н. Толстого. Материал для нее собран богатый. Только в течение этого года в яснополянскую библиотеку поступило более ста книг о жизни и творчестве Л. Н. Толстого на русском и иностранных языках.

Библиотека оказывает большую помощь тем, кто занимается изучением творчества великого писателя. По запросу она дает различные справки. Казалось бы, неограниченный вопрос задал работникам библиотеки посетивший музей-усадьбу художник Р. Б. Муретдянов: связан ли жизнь Льва Николаевича